

В пути / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

В пути / рассказ В ПУТИ

Сент-Аньес, 6 мая.

Дорогая,

Вы просили меня почаще писать и непременно рассказывать о том, что мне случится увидеть. Вы также просили меня порыться в своих путевых воспоминаниях и приберечь для вас те беглые рассказы, которые слышишь порою от встречного крестьянина, хозяина гостиницы или случайного прохожего и которые запечатлеваются в памяти, отражая своеобразие данной страны. Вы полагаете, что обрисованный в нескольких строках пейзаж и набросанный в нескольких фразах эпизод могут живо, наглядно и выразительно передать подлинный характер местности. Попытаюсь выполнить ваше желание. Итак, я буду время от времени писать вам письма, но говорить в них буду не о вас и не о себе, а лишь о картинах, развертывающихся передо мной, и о людях, которых я встречу. Не откладывая, начинаю.

Весна – это, по-моему, такое время года, когда нужно упиваться и насыщаться пейзажем. Весной мы трепещем от восторга, осенью размышляем. Весенняя природа волнует нашу плоть, осенняя проникает в душу.

Мне захотелось в этом году подышать запахом цветущих апельсиновых деревьев: я отправился на юг – в ту пору, когда все возвращаются оттуда. Я побывал в Монако, этом городе паломников, соперничающем с Меккой и Иерусалимом, – побывал, не оставив при этом ни одной монеты в чужих карманах, – и тут по тропинке, осененной, как сводом, лимонными, апельсиновыми и оливковыми деревьями, я поднялся на высокую гору.

Случалось ли вам спать среди апельсиновых деревьев, дорогая? Вы вдыхаете упоительный воздух – какую-то квинтэссенцию благоуханий. Этот крепкий и нежный запах, сладостный, как

лакомство, словно внедряется в ваше существо, пропитывает вас, опьяняет, обессиливает, наводит на вас дремотное и мечтательное оцепенение. Таков был бы опиум, будь он изготовлен руками фей, а не аптекарей.

Здесь край оврагов. Выступы горы всюду изборозжены глубокими расселинами, впадинами, и в этих извилистых лощинах растут целые леса лимонных деревьев. Время от времени, когда крутой склон образует уступы, попадаются каменные водоемы, собирающие дождевую воду. Это глубокие, широкие ямы с гладкими стенками, без единого выступа, за который мог бы ухватиться упавший в воду человек.

Я медленно поднимался в гору по дну одной из этих лощин, любясь еще не сорванными плодами, которые блестели сквозь листву. Застоявшийся в лощине густой воздух придавал особую крепость пряному запаху цветов. Усталый, я огляделся, ища, где бы мне присесть, и увидел ручеек, струившийся в траве. Я подумал, что недалеко находится родник, и поднялся немного выше в гору, чтобы найти его. Но вместо источника я набрел на один из таких широких и глубоких водоемов.

Я уселся по-турецки, поджав под себя ноги, и задумался, глядя на зияющее передо мной отверстие, как будто налитое чернилами – так черна была в нем вода. Вдали сквозь ветки блестело пятнами ослепительно яркое Средиземное море. Но глаза мои вновь и вновь обращались к этому широкому мрачному колодцу, где, казалось, не обитало ни одного живого существа, до того недвижимой была его поверхность. Вдруг рядом со мною раздался голос; я вздрогнул. Ко мне обратился какой-то старый господин, собиравший цветы (во всей Европе нет местности, более заманчивой для составителей гербариев).

– Вы не родственник ли этих бедных детей? – спросил он меня.

Я посмотрел на него с изумлением,

– Каких детей, сударь?

Он смутился и с поклоном продолжал:

– Прошу прощения. Видя, как вы сидите задумавшись перед этим водоемом, я решил, что вы вспоминаете о той ужасной драме, которая здесь разыгралась.

Его слова заинтересовали меня, и я попросил его рассказать мне

эту историю.

Это мрачная, удручающая история и в то же время очень банальная. Это – обыкновенное происшествие из газетной хроники. Быть может, меня взволновала та драматическая обстановка, в которой оно было мне передано, – этот горный пейзаж кругом, этот контраст между ликованием солнца и цветов и черным, смертоносным колодцем, – не знаю, но услышанный мною рассказ перевернул мне сердце, потряс мои нервы. Но, быть может, он не покажется вам таким мучительно-печальным, дорогая, когда вы будете читать его у себя в комнате, не видя той обстановки, где разыгралась эта драма.

Дело было года два назад, весной. К этому водоему нередко приходили два мальчика. Пока они играли, гувернер их читал книгу, растянувшись под деревом. Однажды, в жаркое послеполуденное время, он задремал. Пронзительный крик разбудил его – он услышал плеск тела, упавшего в воду, и вскочил на ноги. Младший из двух детей, одиннадцатилетний мальчик, выл от ужаса, стоя у водоема, где вода расходилась кругами, сомкнувшись над головой старшего мальчика: он упал туда, бегая по каменному краю.

Потеряв голову, не колеблясь ни минуты, ни о чем не думая, гувернер бросился в воду – и больше не появлялся: он ударился черепом о дно.

В ту же минуту из воды показался упавший мальчик; он протягивал руки брату. Тот лег на землю и перегнулся через край водоема. Утопавший, стараясь удержаться на воде, подплыл к стене – и вскоре четыре маленьких руки схватили, сжали друг друга, сцепившись с судорожной силой. Дети затрепетали от радости: казалось, опасность миновала.

Старший брат попытался взобраться на гладкий край водоема, но безуспешно, а младший брат, слишком слабый, медленно сползал к воде.

Тогда они остановились, вновь охваченные ужасом. И, не двигаясь, стали ждать.

Младший изо всех сил сжимал руки старшего: он плакал,

истерически повторяя: «Я не могу тебя вытащить, я не могу тебя вытащить». Вдруг он закричал: «Спасите! Спасите!» Но его тоненький голосок едва пробивался сквозь свод листвы, распростертой над их головами.

Часы текли. Они оставались все в том же положении, лицом к лицу, эти два ребенка. Их мучила одна и та же мысль, одна и та же тревога, один и тот же страх – как бы один из них не разжал в изнеможении своих слабых рук. Они звали на помощь – и все так же никто не откликался.

Наконец старший, дрожа от холода, сказал младшему: «Я больше не могу. Я сейчас упаду. Прощай, братец». Но другой твердил, задыхаясь: «Нет, нет, подожди».

Наступил вечер, ясный вечер, в воде замерцали звезды.

Старший оказал, изнемогая: «Отпусти мне одну руку, я отдам тебе часы». Он получил эти часы в подарок несколько дней тому назад и не мог на них нарадоваться. Ему удалось достать часы, протянуть их брату – и тот, рыдая, положил их рядом с собой на траву.

Настала ночь. Два несчастных маленьких существа в смертельной тоске из последних сил цеплялись друг за друга. Наконец старший почувствовал, что спасения нет. «Прощай, братец, поцелуй папу и маму», – прошептал он. Его онемевшие пальцы разжались. Он скрылся под водой и больше не появлялся.

Младший брат, оставшись один, принялся исступленно звать его: «Поль! Поль!» Но все было тщетно.

Тогда он бросился бежать по склону горы, спотыкаясь о камни, падая, охваченный самым страшным отчаянием, которое когда-либо терзало детское сердце. Смертельно бледный, вбежал он в гостиную, где родители ждали его с братом. Когда он вел их обратно к мрачному водоему, он не раз сбивался с пути, не узнавал местности. Наконец он узнал ее: «Это здесь, – да, вот здесь».

Надо было опорожнить водоем. Но владелец не разрешил этого: ему нужна была вода для его лимонных деревьев.

Оба трупа нашли только на другой день.

Вы видите, дорогая, это просто одно из происшествий газетной

хроники. Но если бы вы видели, как я, этот водоем, у вас, как и у меня, раздиралось бы сердце при мысли об агонии ребенка, который висел, держась за руки своего брата, – о той нескончаемой борьбе, какую пришлось вести двум мальчуганам, привыкшим лишь играть да смеяться, об этой, такой простой, подробности: о подаренных на память часах.

И я говорил себе: «Да оградит меня судьба от такого подарка». Ничего не может быть ужаснее подобного воспоминания, неразлучного с вещью, с которой не смеешь расстаться. Подумайте: ведь каждый раз, как мальчик прикоснется к этим священным для него часам, ему будет рисоваться та ужасная сцена: водоем, стена, неподвижная вода и искаженное лицо его брата, еще живого, но уже безвозвратно погибшего. И в течение всей его жизни, всякий час эта картина будет вставать перед ним, едва он притронется пальцами к жилетному карману.

До самого вечера грусть не покидала меня. Я поднимался все выше в гору; из пояса апельсиновых деревьев я перешел в пояс оливковых деревьев, потом в пояс сосен. Оттуда я спустился в каменистую долину, наконец дошел до развалин старинного замка; говорят, что его выстроил в X веке мудрый сарацинский вождь, принявший крещение из любви к какой-то христианской девушке.

Всюду вокруг меня горы; впереди море, – море, где виднеется вдали почти неразличимое пятно: это Корсика, или, вернее, тень Корсики.

Но на высотах, обогранных закатом, среди необъятного неба, над морем, на фоне всего этого блистательного пейзажа, которым я приехал полюбоваться, я видел только двух бедных детей: одного – склоненного над черной водой водоема, другого – погруженного в эту воду по шею, – двух детей, держащих друг друга за руки, растерянных, плачущих, и все время казалось мне, что я слышу, как слабый, изнемогающий голос повторяет: «Прощай, братец, возьми на память мои часы».

Вероятно, это письмо покажется вам уж очень безотрадным, дорогая. Постараюсь в другой раз написать вам что-нибудь повеселее.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 10 мая 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.
Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод М.П. Столярова Некаýаlar